

Ядерная геополитика России

С. Т. БРЕЗКУН

Впервые эта статья была опубликована в 2005 г. в еженедельнике «Военно-промышленный курьер». С тех пор прошло десять лет, однако эти годы лишь подтвердили справедливость высказанных ниже мыслей, чем и объясняется решение автора познакомить с несколько переработанным и сокращенным вариантом статьи. Без эффективной деятельности важнейшего компонента атомной отрасли – ядерного оружейного комплекса – все рассуждения о российской геополитике и о будущем России превращаются в пустые слова.

Геополитика отражает в своих понятиях глобальную цивилизационную ситуацию, то есть рассматривает и синтезирует комплекс разнородных явлений и факторов, формирующих политическое бытие планеты. Если геополитическое мышление страны верно и комплексно, оно помогает выработать то, что сейчас модно называть национальной идеей, и что на самом деле является верной стратегией национального выживания и развития.

Нисходящая цепочка уровней проблемы здесь такова: цивилизационный, геополитический, политический, внешнеполитический, военно-политический, военно-технический. На цивилизационном уровне выявляется, что есть мы, откуда мы, какова наша система ценностей. Дойдя до военно-технического уровня, мы решаем, какие нам необходимы конкретные системы вооружений, с какими конкретными тактико-техническими характеристиками и в каком количестве. Но, лишь поняв, что и зачем надо оборонять от внешних посягательств, можно верно определить то, чем и как надо обеспечить национальные вооруженные силы и то, какие вооруженные силы нам нужны...

Показательны в этом отношении воспоминания Владислава Николаевича Мохова, крупного физика-теоретика ВНИИЭФ, о его первых годах работы на «объекте». Он пишет: «Когда пошла речь о модернизации зарядов и стали обсуждать их лучшие качества, стал возникать вопрос – а для чего заряды делаются? Какие требования к ним надо применять? Естественно, стали воз-

никать вопросы военной стратегии, тактики. А это неминуемо переходит на вопросы устройства государства в настоящем и будущем. Возникает необходимость сравнения государств. Все эти вопросы очень и очень детально обсуждались...».

Как видим, умеющие широко мыслить физики-оружейники, идя от конкретных оружейных задач, неизбежно приходили к проблемам вообще социального бытия. В принципе же анализ должен идти, как уже было сказано, в обратном порядке – от социальной философии к тактико-технической характеристике оружия.

Не касаясь нравственной стороны вопроса, кратко оценим геополитический его аспект применительно к России.

Российское геополитическое пространство. Любая политика – внешняя, внутренняя, экономическая, культурная и т. д. – существует и осуществляется во времени и пространстве. В каком же пространстве, в каких пределах осуществлялась и должна осуществляться российская геополитика?

Пожалуй, исходную геополитическую российскую национальную идею не столько словами, сколько делами сформулировали Иван III (Великий) и Иван IV (Грозный). Идея эта проста – продвижение России не далее своих естественных границ при вовлечении тех народов, которые оказываются внутри них, в число равноправных элементов Российского геополитического пространства (РГП). Что надо понимать под РГП будет сказано несколько позже.

Грозный не претендовал на чисто польские территории, потому что Польша не входит в сферу РГП. На западе российской естественной границей являются балтийские берега с островами-форпостами Эзель и Даго. Зато Грозный вел с поляками ту Ливонскую войну, которую в фазе русско-шведской Северной войны выиграл уже Петр Великий. Причем, хотя к Балтике мы вышли путем войны, но мы вышли к ней без войны с теми народами, которые Прибалтику населяли. Напротив, включение при Петре Эстляндии и Лифляндии (а затем, при Александре I, и Финляндии) в состав РГП исключило ассимиляцию их народов немцами и шведами. Это хорошо понимало местное население уже во времена Грозного, поскольку оно было более радо приходу русских войск, чем вынужденному их уходу. Удивляться этому не приходится – угроза национальному бытию латышей и эстонцев исходила оттуда же, откуда и угроза России.

И если уж мы говорим об угрозах и геополитике, то позволю себе дать такое определение РГП: *«Российское геополитическое пространство – это системно-целостный комплекс территорий, исторических, цивилизационных, экономических, политических, военно-политических отношений и взаимосвязей, характерный для социального бытия сложившейся в течение нескольких веков группы народов и народностей, объединенных вокруг великорусской ветви триединого русского народа».*

Стабильность РГП обеспечивает конструктивную историческую будущность как непосредственно великорусского ядра РГП, так и национальных компонент РГП. Это уникальное цивилизационное поле, доминировать в котором вправе только Россия, имеет вполне конкретные, исторически сложившиеся, естественные геополитические границы.

На западе это – широкая береговая полоса Балтийского моря (Прибалтика) и регионы с этническим преобладанием русско-славянского населения (Белоруссия). На юго-западе это – Украина и Бессарабия-Молдавия. На юге и юго-востоке – Кавказ, Закавказье, охватывающие в совокупности с Туркестаном Каспийское море, и Средняя Азия. На востоке это – великорусские сибирские и дальневосточные области, включая Сахалин, Камчатку и Курильские острова. Северные геополитические наши границы пролегают в зоне ледовой Арктики до Северного полюса.

Редко когда «чистая география» так наглядно приходит на помощь геополитике. Курилы –

своего рода природой созданный дальневосточный Кронштадт России, как и потерянные нами по вине Александра II Алеутские острова.

Да, если знать историю и смотреть на ситуацию объективно, то в РГП должна бы входить и та Русская Америка, уступка которой Россией в 1867 г. стала, пожалуй, наиболее серьезным государственным преступлением XIX в. Однако Русская Америка утрачена русскими, скорее всего, однозначно и бесповоротно.

Иными словами, географически и системно естественное Российское геополитическое пространство полностью совпадает с границами СССР 1975 г. (закрепленными, кроме прочего, и фактом подписания Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1975 г.).

Границы РГП также, практически, совпадают с границами Российской империи начала XX в. – за исключением чисто польских и ряда других небольших территорий. Фактическая принадлежность к РГП Финляндии доказывается уже тем, что уровень интеграции финской экономики с советской приближал Финляндию – в этом отношении – чуть ли не к одной из союзных республик.

И, кто бы и что бы ни говорил, РГП – не выдумка, и оно все еще живо потому, что такие комплексы складываются не в одночасье, и в одночасье не погибают. И вопрос – погибают ли...

Северный «фас» наших границ был обеспечен победой в русско-шведской войне 1808–1809 гг. и присоединением Финляндии, что финны, жестко подавляемые шведами, лишь приветствовали.

Южный «фас» наших границ мы обеспечили как войнами с Турцией, так и, в основном, мирным принятием в состав России православных Армении и Грузии по их просьбе. Не точно названные «кавказскими», войны в том регионе были, по сути, «горскими».

Что же до среднеазиатской эпопеи России, то положительную оценку ей дал даже такой противник царизма, как Карл Маркс, определяя роль России в Средней Азии как цивилизаторскую. Можно лишь прибавить, что, взяв под свою руку эти народы, Россия предупредила их колонизацию высокомерными и жестокими англичанами.

Однако определяющим для России было не вынужденное силовое движение на запад и юг, а впечатляющее, практически мирное, движение на восток, к Тихому океану. Это хорошо понимал Ломоносов, говоря о том, что могущество

Российское будет прирастать не только Сибирью, но и потому, что мы имеем «Сибирского океана оба конца»...

Так, в течение примерно трех веков, сформировалось РГП. После этого внешнеполитическая русская идея дополнилась задачей исключить или парировать угрозы РГП со стороны внешнего мира, не доводя дело, по возможности, даже до оборонительной войны. Знающие историю с этим утверждением согласятся.

Россия – самодостаточная держава. Глобальное положение России определяется тем, что она – единственное государство мира, способное обеспечивать свое существование за счет преимущественно (или даже исключительно) внутренних ресурсов: природных, цивилизационных, экономических, технологических, человеческих.

Да, Россия, особенно взятая в пределах РГП, – единственное самодостаточное государство мира. Во всяком случае – наиболее самодостаточное... У одних стран есть первоклассный технологический и интеллектуальный потенциал, но нет сырья; у других – наоборот; у третьих нет самодостаточной структуры экономики и науки; у четвертых – адекватных территорий и т. п. У нас – даже по сей день – есть все или почти все в комплексе...

И уж точно самодостаточным государством был Советский Союз. Лишь один пример – железные дороги... Здесь СССР все делал сам – от изыскательских и проектных работ на отечественной научной и инструментальной базе до строительства дорог; от рельсов, которые мы сами рассчитывали и производили из сталей отечественной разработки и производства, до подвижного состава, магистральных тепловозов и средств сигнализации, централизации и блокировки. Подобные «отечественные» цепочки прослеживаются практически по всем сферам жизни советского общества.

Безусловно, ситуация для Российской Федерации существенно сложнее, но и для нее она не безнадежна. Сегодня иногда пытаются представить дело так, что ядерное оружие (ЯО) России – последний, мол, признак великой державы. Хотя Российская Федерация является объективно великой державой не только по территории, природным и сырьевым ресурсам, но и по развитости экономики и инфраструктуры, интеллекту и образованности населения и т. д.

Если даже эту, обкорнанную Россию отгородить от любых контактов с внешним миром глу-

хой бетонной стеной в пределах ее шельфовой зоны, то даже в этом случае она сохранит стратегическую жизнеспособность.

А Япония? А Индия? А Англия, Франция, Бразилия? И даже – Китай? Даже – Германия? О США уже не говорю... Более того, США, в некотором отношении, потенциально очень неустойчивая страна. Скажем, в прошлом ряд стран оправлялся после более или менее сильных военных ударов по экономике и уровню жизни – СССР, Англия, Германия... Уже в настоящее время нынешняя РФ сохранила, в целом, стабильность даже после того, как средний жизненный уровень населения упал в разы.

А если отгородить от внешнего мира США, лишив их тем самым возможности паразитировать на других? А если уровень жизни в США резко и быстро упадет «всего» на 30–40 %? Это же будет означать скорый конец США!

Так что, в некотором смысле, Россия (особенно – как стержень РГП) – потенциально самая богатая и самая стабильная страна мира, а США потенциально – одна из самых нестабильных.

Для нынешних США агрессивная системная экспансия и силовой характер внешней политики неизбежны и рациональны постольку, поскольку иначе не обеспечивается устойчивое внутреннее положение страны. Для России системная ситуация оказывается обратной, с точностью «до наоборот», устойчивое внутреннее положение страны обеспечивается при условии сохранения внешнего мира и гарантированном исключении силового давления и агрессии против России. Поэтому генеральная задача России в глобальных рамках состоит в том, чтобы исключить мировую крупномасштабную войну, а также обеспечить невозможность внешней агрессии и внешнего вмешательства во внутренние процессы на ее собственной территории и в пределах РГП.

Отсюда вытекает и перманентная российская внутривнутриполитическая национальная идея, которую впервые сформулировал, пожалуй, Столыпин, сказав: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Классический советский период истории России с этим принципом не конфликтовал, поскольку уже Ленин говорил о мирном сосуществовании, а Сталин все более переносил центр тяжести общественного сознания советского общества на идеи мощного внутреннего экономического и социального развития РГП и видел в этом развитии залог ведущей роли СССР как нравственного ориентира человечества.

«Богатырская застава». Илья Глазунов. 1989 г.

Так же и современной России для внутреннего процветания не нужны потрясения в мире, для этого ей необходим общественный контроль над комплексным потенциалом России – России, понимаемой в широком, исторически обусловленном и геополитически оправданном смысле этого понятия.

Все ли это понимают и признают? Увы, нет! Так, например, Сергей Медведев, профессор Европейского центра исследований проблем безопасности имени Маршалла в Гармиш-Партенкирхене в журнале «Мировая экономика и мировые отношения» (2003, № 7, с. 29) в статье с обязывающим названием «Россия: внешняя политика, безопасность, идентичность» заявлял: «В сущности, ...впервые за всю российскую историю национальный интерес не связывается напрямую с могуществом (? – С.Б.) страны и контролем над ее территорией (? – С.Б.)».

Спрашивается – как может быть обеспечен национальный интерес России без могущества страны и контроля над ее территорией, и как без них может быть обеспечено перманентное (не за счет непродолжительной и окончательной распродажи ресурсов) экономическое благополучие нации?

Подобные провокационные сентенции призваны способствовать не трансформации национальных интересов России, а просто-напросто их ликвидации, за которой неизбежно последует и ликвидация России. А ведь в свое время – в 1920 г., еще Герберт Уэллс прозорливо предупредил, что если на месте России образуется цивилизационная «черная дыра», то в эту «дыру» ухнет вслед за Россией и вся мировая цивилизация.

Родина Маршалла ныне кичится суперимперским могуществом и претендует на контроль над территорией всей планеты, а сотрудники центра имени Маршалла рекомендуют России отказаться от стремления к могуществу и от контроля над собственной (!) территорией.

Однако коренной национальный интерес России, а точнее – ее главенствующая национальная и геополитическая идея, заключается как раз в противоположном: в обеспечении могущества и полного контроля над своей территорией.

Могущество же и контроль невозможны без эффективного ядерного статуса России, без которого поэтому невозможно в перспективе и экономическое благополучие нации.

Помня войну, обеспечивать мир. С выходом России (СССР) на естественные геополитические границы у отечественных вооруженных сил

осталась единственная задача – нейтрализация угрозы внешней агрессии против национальной территории в пределах РГП.

Эта же задача остается не просто важнейшей, а единственно состоятельной с системной, цивилизационной, геополитической, политической и военно-политической точек зрения – оборонной задачей нынешней России. Да, в третьей мировой войне – «холодной», Россия в виде СССР потерпела глупейшее, неестественное поражение. Да, ныне РГП как целостный комплекс не существует.

Но, во-первых, как верно отмечал Сталин, битые армии лучше и быстрее учатся. Во-вторых, поражение было понесено Россией не на поле материальных битв, а на полях психологической войны, в результате многолетней внешней подрывной работы в области духа и общественных ценностей.

Ныне ведущаяся четвертая мировая война – как завершающаяся фаза «холодной» войны, тоже осуществляется не традиционными прямыми военными методами – если иметь в виду Российскую Федерацию, а непрямыми методами идейного воздействия. Недаром сейчас вполне правомерно говорят о реально ведущейся против России информационной войне. И вот в этой-то новой фазе холодной войны Россия вполне может победить, хотя может и проиграть, если не сделает верных выводов из прошлого поражения.

Так или иначе, Россия обязана гарантировать себе возможность исключить внешнюю агрессию и силовое давление. И кто бы, и что бы ни утверждал обратное, в военно-техническом отношении эта задача решается ядерными силами, обеспечивающими режим перманентного ядерного сдерживания.

На глобальном, межконтинентальном уровне это – российские СЯС. На континентальном, региональном уровне это – те системы, которые вслед за США у нас неверно называют «нестратегическими», хотя они решают ту же стратегическую задачу исключения угрозы внешней агрессии, что и СЯС, но – на ином (не более низком, а именно ином!) уровне, чем СЯС. Поэтому такие ядерные вооружения верно будет назвать, например, силами регионального сдерживания (СРС).

Степан Осипович Макаров предупреждал: «Помни войну!». Но он сказал это в то время, когда у России не было такого рычага воздействия на ситуацию, который бы позволил надежно защитить страну не путем успешного от-

ражения внешней агрессии или победоносного завершения оборонительной войны на территории агрессора, а путем гарантированного исключения войны. Однако уже две трети века назад такой рычаг у России появился. Это – ее ядерное оружие, которое образно и системно точно называют ее «ядерным щитом».

Здесь не место конкретизации общих принципов, однако и в этой статье будет, думаю, уместным отметить, что России надо иметь в своем оборонном арсенале не только могучее ядерное оружие мегатонного класса, но и такое ядерное оружие, которым можно будет в случае необходимости не столько реально воевать, сколько – реально защититься, сдерживая угрозу локальной, региональной агрессии или пресекая ее уже в начальной фазе за счет ограниченного боевого задействования ядерного фактора без катастрофических политических, экономических и экологических последствий.

Это – не снижение психологического порога ядерной войны. Напротив, наличие такой возможности будет дополнительно сдерживать региональные угрозы стабильности и суверенитету России и повышать психологический порог для возможной агрессии против России. Нам не нужна война. Нам нужна эффективная оборона, исключая войну любого характера – как крупномасштабную, так и локальную. Эта задача характерна лишь для России, и именно она должна определять структуру вооруженных сил с опорой на ядерные вооружения.

Скажем, армия США – это армия силовых репрессий, а не национальной обороны. Национальную территорию США обороняет не что иное, как стратегическая ядерная «триада». А России только это и нужно – надежно закрыть от ударов и агрессии свою национальную территорию. США защищены от сухопутного вторжения двумя океанами, а Россия – страна континентальная. Но именно поэтому наша оборона должна быть выверена до копейки, а вооруженные силы быть адекватными задачам исключения агрессии.

И даже при наличии неограниченных средств на оборону нам не нужна та армия, которая казалась образцом легендарным «сталинским» маршалам и генералам, напрочь устаревшим уже к началу 70-х гг. XX в. (Впрочем, и они не ставили под сомнение целесообразность развития ядерной мощи). Нам нужны не «непобедимые» вооруженные силы, а вооруженные силы, делающие ненужной даже победоносную войну – гарантированно исключая ее.

Конечно, речь о структуре и военно-техническом облике Российской армии, а не о ее боевых традициях, которые будут прочными и надежными лишь в случае сохранения традиций непобедимой и легендарной Советской армии.

Государственное руководство какой страны и какой народ решатся на, скажем, локальную агрессию против России, зная, что у России, допустим, нет десятков дивизий, которые будут отражать пехе-танковые и авиационные удары агрессора, зато есть новые «Пионеры» с дальностью в 3–5 тысяч километров, которые просто сотрут с лица Земли их страну в том случае, если она рискнет посягнуть на национальные интересы или национальную территорию России и РГП?

Предупредить об этом потенциального агрессора – не значит быть идейным поджигателем войны. Напротив, внятно сказать это – значит, исключить вообще возможность войны.

Конечно, для решения грядущих задач в пределах РГП нужны и десятки дивизий крепких ребят «десантной» кондиции. Однако покой России в рамках мировых военно-политических реальностей охраняют ракетно-ядерные и военно-космические профессионалы, оружие которым дает ракетно-ядерный оружейный комплекс России.

Соответственно, военно-политической сутью национальной состоятельной геополитики должно оставаться приоритетное внимание к «ядерной» компоненте вооруженных сил и к ракетно-ядерному и военно-космическому оружейному комплексу.

Сказанным тема и проблема, конечно же, не исчерпываются. Однако в заключение скажу, что обеспечение эффективной ядерной мощи – это лишь часть подлинной национальной задачи. Наша перспективная ядерная политика и геополитика – это не только реализация идей одного лишь обеспечения национального суверенитета над территорией и ресурсами России и РГП. Носительница глобальных созидательных мировых цивилизационных потенциалов, ядерная Россия может дать шанс на разумный мир всем народам Планеты.

БРЕЗКУН Сергей Тарасович –
профессор Академии военных наук,
член-корреспондент Академии геополитических
проблем